

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ
(28 ФЕВРАЛЯ – 5 МАРТА 1917 г.)**

Аннотация: статья описывает последние дни Шлиссельбургского каторжного централа, одной из тюрем Российской империи, расположенной в пределах Шлиссельбургской крепости. Приведены воспоминания заключенных тюрьмы о событиях вокруг Шлиссельбургской тюрьмы после начала Февральской революции 1917 г., освобождении узников и уничтожении тюрьмы в ночь с 4 на 5 марта 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя, 1907–1917 гг., Главное тюремное управление, Шлиссельбургский каторжный централ, пенитенциарная система Российской империи, каторга, Шлиссельбург.

Шлиссельбургская каторжная тюрьма (неофициальное народное название - Шлиссельбургский каторжный централ) – одна из главных тюрем царского самодержавия, где содержались политические заключенные. Она находилась недалеко от Санкт-Петербурга, на острове на Ладожском озере, при истоке реки Нева. Шлиссельбургская крепость использовалась как тюрьма, начиная со времен Петра Первого, а с 1884 г. в крепости были посажены первые политические заключенные – члены партии «Народной воли».

Второй этап жизни политической тюрьмы начался в 1907 г., когда на территории крепости открыли Шлиссельбургский каторжный централ. Сюда отправляли на каторгу политических и уголовных заключенных, участников революции 1905 – 1907 гг.

По данной проблеме за последние годы вышло несколько научно-исследовательских работ – Д.А. Воробьева [1], Ю.Р. Дьяковой [3] и Д.И. Иванова [4]. В

качестве недостатка работы Д.А. Воробьева можно назвать неполная историография вопроса. Не упомянут даже М.Н. Гернет – автор классического труда «История царской тюрьмы» в 5-ти томах.

Наступил 1917 год. Война остановилась на зимних позициях под Ригой, в Западной Белоруссии, в болотах Полесья и в Карпатских горах. Положение народа в России становилось все хуже и хуже. В стране наступал голод, организованный беспорядком и хаосом.

В Шлиссельбургской тюрьме арестанты тоже голодали. Тюремный режим ухудшался, и это вызывало справедливые нарекания заключенных. О том, что происходило на воле, заключенные знали из легальных газет и иногда из нелегальных изданий. Но о том, что произойдет в ближайшее время в стране, никто из них даже не предполагал.

Дни, происходившие в тюрьме перед Февральской революцией, были спокойными. Они прерывались лишь мелкими стычками с администрацией и, буквально перед событиями, был произведен обыск библиотеки и изъяты все нелегальные издания по доносу одного из уголовных преступников.

Как пишет М.Н. Гернет, «о полной неожиданности освобождения свидетельствуют воспоминания тех политических заключенных, которым выпало счастье дожить до этого дня и быть участниками знаменательного события» [2, с. 243].

Симонович – бывший заключенный третьего одиночного корпуса – в своих воспоминаниях остановился и на описании событий 27 февраля 1917 г., то есть накануне освобождения первой группы политических заключенных. Он отметил, что этот день ничем не отличался от всех предшествовавших дней за много лет заточения: «Те же тюремные щи, та же каша, те же надзирательские на цыпочках шаги и подсматривающие в «волчок». Царила обычная мертвая тишина. Только звон кандалов нарушал ее» [6, с. 185–186].

28 февраля начинался так же, как и многие сотни и тысячи тюремных дней. Заключенный И.С. Мельников вспоминал о том, что «еще утром 28 февраля мы жили обычной тюремной жизнью. В обеденный перерыв, придя из мастерских, я по привычке взглянул из окна своей камеры на снежную пелену Невы и вереницу

темных домиков деревни Шереметевки на противоположном берегу. Я сидел в одиночке 4-го корпуса на четвертом этаже. Пейзаж, который я видел из тюремного окна, служил для меня источником большой радости, далеко уносил меня из холодных стен тюрьмы. Я с жадностью впивался взглядом в безбрежную даль. Белизна снега с голубым оттенком повергает меня и поныне в какой-то трепет. Часовой на крепостной стене да решетка напоминают мне о тяжелой действительности. Но на этот раз я не узнал знакомый пейзаж. Внимание мое было приковано к движущейся толпе на белом фоне закрытой снегом Невы» [5, с. 13–14].

Рабочие Шлиссельбургских военных заводов и Охтинских пороховых мануфактур шли освобождать узников Шлиссельбургского каторжного централа. Как только пролетариат узнал о победе революции, по всей стране началось стихийное освобождение политических (а заодно и уголовных) заключенных из тюрем и каторжных централов.

Шлиссельбургская политическая тюрьма не стала исключением. Свыше пятнадцати тысяч человек, выстроившись колоннами, с красными флагами, окружили крепость и потребовали освобождения заключенных. «В корпусах тюремных зданий начались шум и беготня, совсем непонятные для заключенных. Отпирались двери отдельных камер. Из них куда – то уводили узников». По воспоминаниям Мельникова, «явилось подозрение о переводе заключенных куда – то в другие камеры. Начался бешеный стук в двери камер. Отовсюду раздавались крики с требованием объяснить причину увода товарищей. Явившийся помощник начальника Шлиссельбургской крепости объяснил, что заключенных отпускают на свободу по требованию народа» [2, с. 245].

Трудно представить себе, что произошло тогда в камерах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Лишь некоторое представление об этом дают следующие строки Симоновича. При известии при освобождении у него произошло как – будто затемнение сознания. Когда он очнулся, перед ним стоял помощник начальника тюрьмы, объявлявший ему, что он освобожден, что за ним пришли делегаты от рабочих. Автор продолжает: «В коридоре корпуса царствовал пол-

нейший хаос: надзиратель с ключами стоял неподвижно в углу с испуганным лицом, с опущенной вниз головой и оторопелым взглядом, что забитый петух на чужом дворе. Везде валялись сор, комки бумаги, клочья соломы, как после грома. Двери одиночек открыты, оставшиеся в них плачут, рыдают, а внизу обнимаются, целуются, ликуают...» [6, с. 187].

Первая партия политических заключенных численностью 66 человек была освобождена в тот же день. Освобождение всех политических заключенных задерживалось тем, что нужно было освободить от кандалов. Поэтому большинство заключенных оставались за «решеткой».

«Наступала последняя ночь существования Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Шли последние часы каторжной неволи. Конечно, сейчас она очень мало походила на прежнюю. Кандалы были уже сбиты, двери тюремных камер остались незапертыми. Раздавались революционные песни. Один из переживших эту последнюю ночь в Шлиссельбурге вспоминал, как заключенных металось по камерам и по коридору. Он писал: «Не надо думать, что возбуждение охватывало лишь неосвобожденных политических каторжан. Может быть, оно еще сильнее переживалось уголовными арестантами. Еще при первом выходе на свободу 66-ти узников уголовные кричали им из-за решеток окон: «Не забудьте же нас! Смотрите же, не забудьте!» [2, с. 247].

Наступил следующий день – 1 марта. «Заключенные в тюремных корпусах ждали наступления часа их освобождения. Большинство из них было лишено всякой возможности что – либо видеть, кроме стен своих камер. Они могли лишь услышать прибытие народа – освободителя к крепостным стенам. Только заключенные верхнего этажа четвертого корпуса могли теперь беспрепятственно глядеть через окна на Неву. Они прильнули к тюремным решеткам, не спуская глаз с открывавшегося ледяного простора реки» [2, с. 248].

Во дворе тюрьмы с утра началось сплошное движение. «Группами стояли заключенные. Возили сани с необычным грузом – арестантскими делами из архива тюрьмы. Большими охапками передавали их в котельную и здесь бросали в топки котлов. Такое уничтожение архивного материала наполняло радостью

сердца узников. Однако вместе с тем пропадали ценнейшие материалы для истории каторги на Шлиссельбургском острове» [2, с. 249].

Заклученные готовились навсегда покинуть крепость. Раньше большинство политических узников даже не надеялись покинуть Шлиссельбург, так как в графе «Судебный приговор» у них стояло – «вечная каторга». Революция была неожиданна, освобождение – тоже.

Когда все было приготовлено к уходу, политические заключенные собрались на митинг. «Раздался голос Лихтенштадта, но он почти сейчас же оборвался. Волнение не дало ему возможности продолжать речь. Оборвалась речь и того освобожденного, который пытался заменить Лихтенштадта. Несколько напутственных слов были сказаны тюремным врачом Эйхгольцем, пользовавшимся расположением каторжан. Шествие тронулось в путь. Обоз с больными шел впереди. Больных, способных идти, вели под руки. Участник этого исключительного в истории торжественного марша вспоминал: «Затрепетали в воздухе знамена, росли крепки звуки революционных песен. Мы медленно подвигаемся к городу Шлиссельбургу, где на берегу нас ждут жители и рабочие... Все слилось в могучем, волнующем потоке. Люди обнимались, целовали друг друга, плакали, некоторые стояли в каком – то оцепенении. В арестантских халатах, в стоптанных котлах, с жалким своим имуществом мы вызывали сочувствие толпы. Нас зазывали на квартиры, давали теплую одежду, обувь, шапки, перчатки» [2, с. 249–259; 5, с. 16–17].

Сразу же был образован Комитет шлиссельбургских узников. «Он был составлен из рабочих этих заводов и освобожденных политических заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Комитет взял в свое ведение дела, требовавшие срочного выполнения, например, выплату освобожденным денег, заработанных ими в мастерских тюрьмы, или снабжение освобожденных каторжан особыми удостоверениями. Текст таких удостоверений представляет несомненный интерес, тем более, что он не появлялся в печати. Я воспроизвожу его по материалам Шарапы: «Удостоверение №101 от 7 марта 1917 г. Дано сие гражданину Козловскому Ивану Андреевичу, лет 25, Могилевской губ., Оршанского

уезда, в том, что он волею восставшего народа освобожден из Шлиссельбургской крепости. В чем подписью и приложением удостоверяется.

Член исполнительного комитета при революционном комитете шлиссельбургского порохового завода С.К. Богушевский» [2, с. 249].

По решению комитета все имущество Шлиссельбургской тюрьмы теперь принадлежало народу. «В крепости после освобождения оказалось большое количество продуктов и товаров: мясо, мука, солонина, рыба, сахар, кожа, мануфактура и много других продуктов и товаров. Три дня работало, не покладая рук, больше сотни человек с большим количеством лошадей, вывозя продукты и товары. Тюремная инспекция, видимо рассчитывала еще долго жить» [5, с. 191].

Через три дня крепость запылала. Гернет подробно исследовал пожар в крепости: «Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбурге определенно указал не только день, но и час начала разрушения огнем пожара Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Это произошло в час ночи с 4 на 5 марта. Имеются сведения о поджоге не всех тюремных зданий, а лишь некоторых. Так указывалось на разрушение и особо тщательном уничтожении здания конторы и квартиры начальника каторжной тюрьмы. Колосов, описывавший пожар в Шлиссельбургской крепости, отметил наибольшее разрушение огненной стихией первого и четвертого корпусов. Распространение огня в четвертом корпусе способствовали наличие в нем мастерских, в том числе столярных. Он указал и на пожар во втором корпусе с его деревянными полами. Этот автор, однако, отметил наибольшее повреждение огнем второго и первого корпусов. Сам я при посещении Шлиссельбургской крепости осенью 1925 года не нашел следов пожара в третьем корпусе. Пожар тюремных зданий Шлиссельбурга длился не одни сутки. Языки пламени пожирали высокий четвертый корпус у всех на виду. Предварительное обливание зданий нефтью вызывало быстрое распространение огня с густым черным дымом. Пожар в Шлиссельбургской крепости представлял собой знаменательное событие. Тюрьма, еще недавно гордо возвышавшаяся на неприступном острове, грозная, как символ императорской власти, теперь быстро разрушалась и погибала в дыму

и пламени. Никто не шел к ней на помощь, и с далекого расстояния можно было видеть это страшное, а вместе с тем радостное пожарище» [2, с. 249–250].

Крепость была подожжена восставшим народом. Шлиссельбург навсегда перестал быть тюрьмой. После победы Октябрьской революции крепость стала музеем революционной борьбы и символом стойкости и мужества политических заключенных.

Список литературы

1. Воробьев Д.А. Шлиссельбургская крепость во время Февральской революции по воспоминаниям современников / Д.А. Воробьев // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №9. – DOI 10.5281/zenodo.5543776. – EDN ZURIRR
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. – Т. 5. – М.: Юридическая литература, 1963.
3. Дьякова Ю.Р. Крепость на Ореховом острове. Страж. Тюрьма. Музей / Ю.Р. Дьякова. – СПб.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2020.
4. Иванов Д.И. Память о революционерах в Шлиссельбурге. 1917–1919 / Д.И. Иванов // Петербургские чтения. К 100-летию Великой русской революции 1917 года. – Ч. 1. – СПб., 2018.
5. Мельников И.С. Последние дни Шлиссельбурга / И.С. Мельников. – М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс. поселенцев, 1931.
6. Симонович В. В новом Шлиссельбурге / В. Симонович. – М.: Изд-во политкаторжан, 1934.